

Т.Д. Григоренко

Ветер Судьбы¹

(главы из книги)

Для цитирования: Григоренко Т.Д. Ветер судьбы. Главы из книги // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 137–145.

¹ Первая публикация: Григоренко, Т.Д. Ветер судьбы. М., Издательство Литограф, 1998.

Скитания

А не так уж давно
Шли пешком по снегу
В ту далекую даль,
В снеговую пургу.

Молодая женщина ходила по наймам добывать себе и пятилетней девочке кусок хлеба. Отца нет. В маленьком приисковом поселке работы нет, беспросветная нужда и безнадежность. Люди кинулись на выработанные и брошенные прииски. Оставив дочь у родственницы, поехала и мать.

Детский смех разносится от играющей солнечными бликами широкой и быстрой реки. Они с хохотом и визгом толкали друг друга в воду, обрызгивались ею. Только одна девочка сидела отдельно на большом камне, опустив ноги в воду, и следила, как мальки тайменя, окружив её ноги, тыкались носиками в них, пытаясь отщипнуть кусочек. Ее хорошенькое личико подернулось грустью: «Где-то мама теперь».

И вспомнилось ей широкое хлебное поле, палящее солнце и пыль под ногами. Девочка изнемогла от жары и усталости, но она терпеливо шла, с ней рядом была мама. И как она была счастлива, когда целой улицей ездили в лес, в горы, за ягодами и грибами. Найдя семейку под красными шапочками, она радостно кричала: «Мама, мама, иди сюда скорей, я нашла много-много грибов». — «Собери их доченька, я сейчас соберу тут и приду к тебе». В лесу было тихо, только перекликались люди, да время от времени стучали по дну пустого ведра, пугая хозяина леса, медведя, чтобы он подальше уходил. Девочке страшно не было, рядом была мама. Вспоминалось, как с большими неводами ходили на озеро ловить рыбу. Взрослые неводят, а ребятишки бегают с ведрами и собирают рыбу. Потом общий ужин у кого-нибудь во дворе. Жили бедно, и у девочки не было игрушек. Её пригласила к себе поиграть дочь золотопромышленника в их хоромы. Это была квартира на несколько комнат и в ней была комната для игрушек. Богатенькая подружка куда-то вышла, оставив Тамару одну. Она недолго думая схватила самую маленькую куколку, и бежать с их двора что есть сил.

Бежит и оглядывается, не бегут ли за ней, а сердечко чуть не выскочит. Но они, наверное, и не заметили пропажи. Высочайшее счастье Тамирино было, когда мама подарила ей первый простой карандаш и цветной — хозяйка, у которой мама жила в прислугах. А она в благодарность нарисовала павлина её сыну, таких же лет как она.

Зима. Тамара стоит у окна и своим дыханием оттаивает лёд на стекле, чтобы посмотреть, что на улице. Не идёт ли на лунном свете человек по проводам, проверить услышанный рассказ про лунатиков.

А теперь мамы нет. Она далеко, где-то за этими широкими сопками, дремучими лесами, широкими реками. И зачем её оставили одну с чужими людьми? У девочки на глазах закипали слезы. Она всматривалась вдаль, в надежде увидеть маму сквозь дремучую тайгу, сквозь широкие сопки, сквозь высокие скалы.

Через год мать, затосковав о дочери, попросила извозчика, доставляющего продукты из города, привезти дочь. Длинный путь в сто километров зимой на лошадях. Кругом снег и тайга. Летит поземка.

Шестилетняя девочка сидит, укутанная одеялами и платками вместе с ногами, на возу. Реснички её покрылись инеем, и от её дыхания идёт пар. Ноги её замерзли и ей холодно. Сгущались сумерки, а зимовья всё не было видно. Смелые это были люди. Жили одни-одиношеньки в тайге в десятках километров от зимовья.

— Дядя, я замерзла, скоро приедем к маме?

— Скоро, Тамарочка, потерпи немножко.

И вот они в теплой избушке, на столе горячий самовар, чай с леденцами. А вокруг штук пять кошек, зачем эта тётенька держала много кошек? Неизвестно. От скуки, наверное. Почему-то собак по приискам не было.

А потом солнечный яркий день. Воз спускается с крутой горы. Извозчик шёл возле головы лошади, сдерживая её, чтобы не побежала. А девочка сидела на возу и смотрела вперед. Ей было тепло. С горы было видно, как на берегу реки в долине шёл дым из домиков.

— Мама! — вдруг крикнула девочка. Навстречу им бежала в гору запыхавшаяся, улыбающаяся, покрасневшая мама.

Вошли в деревянный домик с высоким крыльцом. В домике две комнаты и кухня с железной печкой и ничего-ничегошеньки — ни постели, ни мебели. На деревянных нарах спали в том, в чём ходили.

На кровати спал молодой мужчина. Мама стала раскатывать слоёнки и разъяснять, что этого дядю девочка должна называть папой, но она молчала и не понимала, зачем это нужно.

Недолго они здесь задержались. Еще по снегу пошли на прииски Делюя. Вещей не было никаких. Одежда на себе, в руках узелок с лепёшками. Маленькой девочке идти было трудно. Шли день по морозу и снегу. Под вечер, выбившись из сил, они увидели в распадке раскинувшийся прииск. Кучи отвалов и скрипящие журавли, кое-где дымились костры.

Людей было немного. Они семьями, по несколько человек копошились у костров и бутар, отмывая пустую породу. Прииск был выработан. Но люди не теряли надежду что-нибудь намыть и выменять на муку у китайцев, которые еще заносили сюда продукты. Эта надежда зародилась и у матери с отчимом.

На прииске свободного жилья не было. За километр от прииска в распадке у ключа они нашли китайскую фанзу с пнями внутри и в углу с большим закопчённым котлом. Посередине железная печка.

У стены нары. У окна, завешанного мешковиной со стёклышком, был сколоченный из брёвнышек столик. По сторонам от него такие же лавки. Пола не было, земля с засохшей травой и пни.

Мать с отчимом на рассвете уходили на прииск, оставляя девочку одну в фанзе. А кругом ни души. Лес и тишина, которую иногда нарушали птицы. Девочка прижималась к холодной печке.

Сидела в одном ситцевом грязненьком платице и с интересом наблюдала за серыми длинноносыми мышами, вылезавшими из-под пней. Она боялась пошевелиться и, вся оцепенев, сидела до прихода матери с отчимом.

У них было немного муки, но она скоро кончилась. А золото не находилось. Приносили одни слезы. Осталась одна капуста мерзлая, да и той хватило ненадолго. По три дня у девочки ничего не было во рту. У ней кружилась головка и ночами она вскакивала и кричала: «Липёшки, липёшки!»

Надо было уходить отсюда, чтобы не умереть с голоду. Ушли они на соседний прииск, там им удалось устроиться в артель. Немного стало легче. Артель напала на не очень выработанный шурф и кое-как кормилась.

Приближалась весна, а золота всё меньше и меньше добывала артель, и при первых теплых днях весны артель стала разбредаться кто куда.

Пригретые солнцем

*Уже светлеет небосклон,
Покой душе приносит он.*

— Вот мы и пришли, — сказал отчим, обогнув скалистую гору, они вышли к реке. Река несла свои мутные вешние воды, наполнив водой берега до краев. — Вода скоро спадет и тогда можно будет промывать наносной песок, может хоть немного найдем золотишка.

Под каменистой горой, прижавшись задней стеной к горе, стоял рубленый аккуратный домик. Рядом развалившийся дом. По другую сторону — большой амбар. Между амбаром и домиком стояли полена дров. Это было брошенное зимовье. В домике жил забредший сюда старик по прозвищу Ясное море и парень, также забредший сюда с приисков.

Весна всё больше входила в свои права. Всё кругом зеленело. Вода спала, и артель из четырех человек, включая мать и отчима, ходила по

руслу реки в поисках наносного золота. Но его было так мало, что не хватало на муку.

Выручала рыба. Её здесь было в достатке. Мелкую рыбку «гольяшку» Тамара ловила ситом у устья ключа, впадающего в речку, и ведрами приносила домой. Летом было раздолье. Лес кругом, цветы и солнце. В лесу ягоды и грибы. Тамара целыми днями ходила по лесу. Собирала грибы и ягоды, черемшу и дикий лук.

Уходила далеко. Её манили цветы, бабочки, кузнечики. Игрушек у неё не было, но она сама их себе лепила из разноцветной глины, которая была в берегах. А куклу ей сшила мать из тряпок. Кукла имела ровное туловище, голову без шеи и руки-ноги, как палочки.

Летом было хорошо. Её радовала даже гроза и проливной дождь. Она каталась по траве и хохотала под сверканье молний, а потом нежилась в тёплых испарениях от жаркого солнца.

Отчим сделал «морду» — ловушку для рыбы. Сделал «заездок» — перегородку из камней, чтобы рыба направлялась в морду. Морда делается из прутьев тальника.

За золото покупали на перевозе постное масло, муку и даже картошку. Мать не выбрасывала шкурки от картошки, а обработала старый огородик и посадила шкурки. Выросла хорошая крупная картошка.

Завернув в узелок немного золота, мать дала его Тамаре и послала её на перевоз купить постного масла. Девочка вприпрыжку побежала вдоль реки и вдруг увидела птицу, плывущую по реке. Забыв о золоте, она побежала за птицей, но та скрылась в воде и далеко-далеко вынырнула. Тамара, обнаружив, что она потеряла золото, понуро вернулась домой. Дома от матери ей сильно влетело. Впервые она испытала боль от прута. И они обе горько плакали, ведь раньше (как, впрочем, и позже) мать Тамару никогда не била. Пришел отчим.

— В чем дело, чего вы плачете? — спросил он.

— Да вот Тамара потеряла золото, и я её побила.

— Ну и напрасно, зачем же ребенка бить, поедим и без масла, не впервой, — и он взял девочку на колени, утешая её. — Ты же знаешь, она и так плохо спит.

Действительно, девочку по ночам кто-то давил, и она цепенела, не могла проснуться. Напрягая все силенки, она с криком просыпалась. Днем в кустах ей казались машущие рукава. Девочка не спала на мягкой подушке, её у неё не было. Не было и матраса, одеяла, простыни. Спала, на чем придётся.

Ясное море сплел из конского волоса лески и сделал удочку Тамаре, на которую она ловила в реке харьюзов на кузнечиков и бабочек. Девочка была бесстрашная. Она ничего не боялась и бродила сама по лесу, уходила далеко вниз по реке. Однажды она забросила в «улово» удочку, кто-то сильно дернул. Она не удержала удочку в руке и, чуть было, сама не нырнула в воду. Жаль было удочки, здесь её негде было приобрести.

Однажды девочка бежала с цветами у подножия скалы. Вдруг по затылку что-то сильно ударило. Из глаз посыпались искры. Выронив цветы, она с криком кинулась домой.

— Мама! Мама!!!

— Что такое? Что случилось?

— Меня кто-то ударил по голове!

— Да что ты, доченька, здесь ведь никого нет. Но на затылке была большая шишка.

— Это, наверное, скалистый медведь, — предположил отчим. — Он, если увидит под скалой человека или лося, то сваливает со скалы камни, и если убьет, то слезает и утаскивает свою добычу и прячет, заваливая прутьями, валежником. Наше счастье, что он не попал по голове прямо, камень только задел тебе по затылку, а то мы совсем бы тебя не нашли, не ходи туда больше.

Однажды Тамара нашла жёлтый камешек и показала матери. Мать подумала, что это золото и стала с волнением говорить, как за этот камешек она купит дочери хорошее платье и красивую куклу. Они лежали и мечтали, пока не пришел отчим.

— Да какое же это золото, это камень, похожий на золото, — и мечты о новом платье и кукле рухнули.

Иногда дед Ясное море рассказывал девочке сказки. Этот неграмотный человек знал наизусть, слово в слово, сказки Пушкина и любил их рассказывать.

А Тамара, затаив дыхание, слушала, а потом сама стала представлять себя в сказке, что где-то в скалах необыкновенного царства живет сказочный мальчик, которого она найдет.

И она искала его, бродя между скал, ожидая, что за этим камнем он живет и ждет её, что он выйдет и поведет её в невиданное царство. Но, очнувшись, она видела только бурундучков, юркающих в свои норки.

А звали старика таким странным прозвищем потому, что, когда у него что-нибудь не получалось, то он с досадой говорил: «Вот ясное море!» Потом он так же исчез, как и появился, неизвестно куда.

Людоед

Гроза гремит и душу рвёт,
Но всё пройдет, но всё пройдет.

Подошла середина лета. Дело шло к уборке хлеба в деревнях. Отчим решил податься туда, подзаработать хлеба. Но как выбираться? Идти пешком до города сто километров без еды было невозможно. И они решили плыть на плоту вниз по реке.

— За день по реке приплывём в город. Здесь недалеко по низу есть брошенный плот. К нему только весла сделать, а вы — на дорогу, пособирайте ягод.

На следующий день они пришли к плоту.

— Ой! Сколько тут ягод! И вся крупная! — вскрикнула Тамара.

— Это моховка, — сказала мать.

— И собирать её здесь некому, кроме медведя, — заметил отчим. — Вы будьте осторожней, я видел его свежие следы. — И он взялся за дело.

И вот весла готовы, плот спущен на воду. Ягоды собраны. На следующий день, с восходом солнца, они пустились в путь.

На плоту с обеих сторон были столбики с перекладинами для вёсел. К одному столбику посадили девочку на ящик. Сначала река их несла спокойно. Мимо проплывали недоступные разноцветные скалы, отлогие берега, покрытые коврами цветов.

К вечеру в воздухе послышался какой-то странный шум, как-будто жужжание огромного роя пчел. Он всё больше усиливался.

Вдали показался островок, где река раздваивалась. По одному из рукавов плот понесло всё быстрее и быстрее. Шум превратился в рёв. Реку зажал меж скал, как в колодце. Вода металась, бросалась из стороны в сторону, перекачивая свои бешеные волны через плот. Тамара ухватилась за столбик на плоту. Отчим стоял по другую сторону плота и пытался выровнять плот, который несло прямо на выступ скалы.

Водой смыло чемоданчик, на котором сидела Тамара. Мать сбило волной. На четвереньках, борясь с водой, захлебываясь, она ползла к Тамаре.

— Доченька, ты здесь? — обхватывая её вместе со столбиком, крикнула мать, — держись крепче за столбик!

Отчиму удалось повернуть плот и обогнуть страшную скалу. Волны стали утихать, перекат кончился. Это был перекаат Людоед. Его никто не переплывал. Он не пропускал никого безнаказанно из вторгавшихся в его владения. Но над ними он смиловивился, хотя без дани не остался. Всё, что было на плоту, смыло водой, и ягоды, и вещи. Тамара сидела просто на плоту и всё не выпускала столбика из своих объятий. Она смотрела, как за плотом плыли сито и тряпичная кукла, сшитая мамой.

Вечерело. Они вплыли в большую реку, на берегу которой с другой стороны раскинулся город.

Река была быстрая, как все северные реки, и мать с отчимом с трудом причалили к берегу. Тамара так закоченела от воды и вечерней прохлады, что еле смогла встать на ноги и потом долго не решалась перешагнуть через полоску воды, чтобы ступить на берег, такой она ей показалась страшной.

Их приключение не осталось незамеченным. За Людоедом были деревни, жители которых высыпали на берег, с удивлением глядя на отважных путешественников.

Озябшие и мокрые они вошли в маленький домик родственницы. Это был город Зея на реке того же названия.

— Ой, откуда вы такие мокрые, — испуганно заговорила родственница.

— Потом расскажем, сначала поставь самовар, нужно согреться и положи Тамару, она совсем ослабла, — сказала мать.

— Сейчас, сейчас. Иди сюда, Тamarочка.

Родственница расстелила матрасик на полу, уложила Тамару и укрыла её шубой.

Тамара согрелась, но заснуть не могла, над её головой всё еще шумели волны.

В наймах

Так быстро промчались весенние дни,
Куда же, куда улетели они?

Нестерпимая жара. Среди бескрайнего моря волнующегося хлеба шли трое. Девочка, изнемогая от усталости и жары, еле плелась, утупая босыми ногами в горячей пыли.

— Мама, скоро мы дойдем?

— Скоро, доченька, скоро. Вон уже село видно.

Войдя в село, они подошли к большим воротам и постучали в них. К ним вышел дородный мужчина с окладистой бородой.

— Здравствуйте, — поздоровались они.

— Здравствуйте. Вы что, наняться хотите?

— Да, хлебушка подзаработать хотим.

— Ну, проходите во двор. Сегодня отдохнёте, вымоетесь в бане, а завтра и на заимку. Пора уже жать. Пока вы будете на заимке, девочка будет здесь.

На второй день мать с отчимом уехали на заимку. А девочку хозяйка заставили нянчить своего ребёнка. Тамара спала на кровати около зыбки с хозяйским ребенком и беспрестанно качала его, пока её саму не смаривал сон. Мать этого ребенка спала тут же, на печи, и рано вставала готовить в русской печи еду. Она доводилась невесткой хозяйину и жила в отдельной избушке. В избушке было грязно.

— Ну, чего ты заснула, не видишь, ворочается, — услышала Тамара злобный голос хозяйки.

Утром девочку заставляли ставить большой самовар, с которым она справлялась с большим трудом. А хозяин за это её ругал «дворянской кровью». Когда ребёнок спал, Тамару посылали в амбар, где девушки вязали лук, которого было много. Девочка скучала о матери и плакала. А девушки её любили, сшили ей новое платье и по воскресеньям водили в церковь.

Но вот хлеб убран, и мать с отчимом вернулись с заимки. Хозяин не поскупился и уплатил им зерном порядочно, а также помог отвезти его на мельницу и на пристань, чтобы погрузить на пароход, отплывающий в город Зею. Голодовка кончалась.